

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика, Сессия 16, Война

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 16 о войне.

Хорошо, наш следующий вопрос — война.

И вопрос в том, когда, если вообще когда-либо, война является морально приемлемой? Итак, что такое война? Давайте начнем с этого вопроса. Война, как правило, понимается как вооруженный конфликт между странами. Но это определение может быть проблематичным, поскольку оно исключает войну против революционных или террористических групп.

Конечно, революционные войны сами по себе являются настоящими войнами, хотя они и не являются войнами, строго говоря, между нациями. Но именно так обычно понимают войну. Карл фон Клаузевиц определяет войну как поединок в широких масштабах.

Война, говорит он, это, цитата, акт насилия, направленный на то, чтобы заставить нашего противника выполнить нашу волю. Вот три общих взгляда на войну, начиная с теории справедливой войны, которая гласит, что при определенных условиях война морально оправдана. И есть точка зрения необходимого зла, которая гласит, что иногда война необходима для предотвращения большего зла, но сама по себе она всегда является злом.

А затем есть пацифизм, который утверждает, что война никогда не бывает морально оправданной. Поэтому мы сосредоточимся на теории справедливой войны и пацифизме, а также на аргументах за и против. Сторонников взгляда на необходимое зло не так много, в основном потому, что, по понятным причинам, люди не хотят занимать позицию, в которой они, по общему признанию, защищают зло.

Итак, подавляющее большинство ученых по этой теме сказали бы, что война является морально правильным делом в некоторых случаях, что иногда она справедлива, или отрицали бы это и говорили, что война никогда не бывает морально оправданной. Поэтому мы начнем с этой последней точки зрения, пацифизма, и начнем с различения различных видов пацифизма. Не все пацифизмы одинаковы.

Есть антивоенный пацифизм, который осуждает национальное применение насилия, сохраняя при этом личное право на самооборону. А есть частный пацифизм, который отвергает насилие в личной сфере, но не в том виде, в котором оно используется политическими властями. Есть две формы частного пацифизма.

Есть антиубийственный частный пацифизм, а есть самый сильный взгляд на антинасильственный частный пацифизм, который выступает против насилия любого рода лично. А есть всеобщий пацифизм, который является самым крайним из всех, который выступает против любого насилия и убийства в частной сфере и политическими властями. С точки зрения философских аргументов в пользу пацифизма, есть аргумент морального образца, который отмечает, что мир был бы лучше, если бы все были пацифистами.

Все это признают. Если бы никто не применял насилие в любом случае, разве мир не был бы велик? Так что, если это так, если универсализация пацифистской точки зрения или пацифистской практики сделает мир идеальным в этом смысле, то разве это не показывает, что это правильная позиция? Это аргумент морального образца. Он по сути кантовский.

Мы можем сделать пацифизм универсальным, но мы не можем сделать насилие универсальным. По этой причине мы никогда не должны действовать насильственно. Это не тот тип поведения, который вы могли бы желать, чтобы практиковался повсеместно.

Далее следует аргумент Ганди, который подчеркивает роль страдания, особенно ради справедливости, как способа очищения души. Это не только собственная душа; она может преобразовать души противников. Ганди в индуистской традиции подчеркивал ахимсу или ненасилие, воздерживаясь от причинения боли или вреда из эгоистических побуждений.

Он говорит, что духовное оружие самоочищения, кажущееся неосязаемым, является самым мощным средством революционизации окружающей среды и ослабления внешних оков, конец цитаты. И, конечно, Ганди стал известен на международном уровне, выступая за независимость Индии и воздерживаясь от любого вида насилия. Это своего рода использование этой готовности страдать, чтобы сделать мощный вывод и повлиять на, знаете ли, даже на действия целых политических режимов.

А затем есть утилитарный аргумент, идея о том, что войны приносят больше вреда, чем пользы. В конце концов, знаете ли, некоторые пацифисты утверждают, что это всегда чистый убыток, в какую бы войну ни ввязывался человек, даже если это война самообороны, даже если это война, защищающая

невинную нацию. Какое бы добро ни подразумевалось для достижения посредством военных действий, это всегда будет чистый убыток.

Это аргумент, который может быть трудно защищать в определенных контекстах, например, во Второй мировой войне, когда у вас есть тиран вроде Адольфа Гитлера, убивающий миллионы невинных людей. Трудно убедить, знаете ли, многих из нас, что было бы правильным не отвечать какой-либо агрессией на этот геноцид. Но я слышал, как пацифисты утверждали, что даже здесь было бы чистым проигрышем вступить во Вторую мировую войну, как мы и сделали по разным причинам.

Это трудно доказать, но интересно видеть, как пацифисты придерживаются своего оружия, так сказать. Может быть, это неверная метафора. Придерживайтесь своей позиции по этому утилитаристскому аргументу, когда дело касается Второй мировой войны.

С точки зрения библейских аргументов в пользу пацифизма, некоторые апеллируют к святости жизни, к тому, что люди созданы по образу и подобию Божьему, и поэтому все люди без исключения имеют право на жизнь, даже если они убивают людей. Мы должны уважать их жизнь и не убивать их. Теперь, заметьте, это исключает убийство, но это не исключает другие формы насилия, останавливая человека насильственными средствами, которые только ранят, а не прекращают его жизнь.

Другой библейский аргумент в пользу пацифизма апеллирует к библейским запретам насилия. В частности, мы можем отметить акцент Иисуса на непротивлении в Матфея 5, где он говорит: вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб, а Я говорю вам: не противься злему человеку. Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему другую щеку.

И если кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай и верхнюю одежду. Если же кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два поприща. Итак, не противься злему человеку.

Пацифисты заметят, что это, похоже, говорит в пользу их точки зрения. Мы также находим, что Павел, по-видимому, учит чему-то подобному в Римлянам 12, стихах 19-21. Он говорит: не мстите, но дайте место гневу Божию.

Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром. И у Петра мы находим также учение о непротивлении. В 1 Петра 2 он говорит: если и страдаете за добро и терпите, это угодно Богу.

Итак, подобные отрывки используются христианскими пацифистами для защиты своей позиции. Обратите внимание, однако, что эти отрывки относятся к

личному насилию, но не обязательно к национальной военной силе. Поэтому даже если у нас есть моральный долг не вести себя агрессивно, даже защищая себя, из этого не следует, что национальная военная сила безнравственна.

Итак, давайте поговорим о теории справедливой войны. Справедливая война имеет несколько аспектов. *Jus ad bellum* рассматривает условия, необходимые для оправдания начала войны, а *jus in bello* рассматривает принципы, ограничивающие поведение на войне.

Условия для *jus ad bellum*, *jus in bello* были разработаны рядом мыслителей в традиции справедливой войны, таких как Фома Аквинский, Франсиско де Витория, Гуго Гроций и другие. Итак, мы раскроем некоторые идеи под заголовками *jus ad bellum* и *jus in bello* через минуту. Но сначала приведем несколько общих аргументов, которые используются для поддержки идеи о том, что справедливая война может быть.

Один из них — аргумент в пользу справедливости. Это идея о том, что когда на страну нападает другая страна, это несправедливо, и это требует ответа тем же. Есть также аргумент от мира, где цель войны — повлиять на определенный вид мира.

Это не насилие ради него самого, и это не убийство ради него самого, а достижение лучшей ситуации мира. Это сильный акцент, который делал Святой Августин, и другие также, в отношении войны. И затем библейские аргументы, одобрение Богом использования Израилем военной силы, прямые божественные повеления, во многих случаях, в Ветхом Завете, что Израиль должен уничтожить определенные группы людей.

Затем, в Римлянам 13, Павел одобрительно ссылается на применение силы правительством. Итак, давайте перейдем к анализу различных условий *jus ad bellum*, или справедливости в начале войны, которые были отмечены теоретиками справедливой войны. Их несколько.

Одно из них заключается в том, что война должна быть объявлена надлежащим органом власти, что исключает мстительные или военизированные группы, поскольку они не являются надлежащими органами власти для объявления войны. Только высшие правительственные органы имеют такие полномочия. Теперь, есть определенные проблемы, которые сопутствуют этому критерию, как мы увидим.

В большинстве случаев есть некоторые существенные аспекты каждого критерия, которые можно обсудить. Здесь это требование объявления надлежащим органом власти, по-видимому, исключает все революционные войны, поскольку революционеры бросают вызов правящей власти

правительства. Как они могут быть надлежащим органом власти для получения или объявления войны? Кроме того, зачем настаивать на формальном объявлении? Конечно, в истории американских войн было много войн, в которых участвовали США, и Конгресс не объявлял войну.

Но мы, тем не менее, были вовлечены в эти войны по приказу нашего главнокомандующего, нашего президента, без одобрения Конгресса и без какого-либо формального объявления войны. Во-вторых, для войны должна быть справедливая причина. Традиционно, справедливые причины включают в себя, в частности, самооборону и наказание за гражданские травмы, а также защиту невинных, как в случае с ближневосточной страной Кувейт, которая была аннексирована Ираком в 1991 году при первой администрации Буша.

Соединенные Штаты вторглись и разгромили иракскую армию, чтобы освободить Кувейт, и это было воспринято почти всеми как справедливый акт войны. Однако с этим критерием связаны некоторые проблемы. Что считается справедливой причиной для войны? Это защита только от военного нападения? Или как насчет других форм нападения? И насколько серьезным должно быть нападение? Как насчет шпионажа? Как насчет цифровых атак? Как насчет значительного вмешательства в наши компьютерные сети, которое может угрожать нам таким образом? Или экономических атак, которые могут угрожать населению даже больше, чем несколько бомб.

Итак, разобраться с этим очень сложно, и это становится все более сложной задачей с электронными технологиями в наши дни, которые во многих случаях гораздо более опасны, чем пули и бомбы. Итак, что именно считается справедливой причиной для войны? Это одна из самых обсуждаемых подтем здесь во всем выпуске. В-третьих, должно быть справедливое намерение, например, обеспечить исход мира и справедливости, чтобы нация была оправдана в отношении вступления в войну.

Этот критерий не так часто обсуждается, как другие. В-четвертых, война должна быть последним средством. Это часто подчеркивают теоретики справедливой войны, что все мирные средства разрешения конфликта должны быть исчерпаны, прежде чем вы будете оправданы в принятии этого шага национальной военной силы.

Проблема здесь в том, как мы узнаем, что все разумные мирные средства разрешения конфликта исчерпаны? Как вы узнаете, что достигли этого порога? Я знаю, что в 2003 году, до того, как мы, вы знаете, США вернулись в Ирак во время второй войны в Персидском заливе, иракское руководство, Саддам Хусейн, отказалось соблюдать, я думаю, 17 различных резолюций по национальной безопасности или Совета Безопасности. И, вы знаете, были введены всевозможные экономические санкции против Ирака. И поэтому

подавляющее большинство американских лидеров в Конгрессе, в обеих палатах, посчитало, что это был правильный следующий шаг.

Было всего несколько человек, которые выдались в своем отказе одобрить вторжение США в Ирак в то время. Они посчитали, что, ладно, это подходящий шаг сейчас. И любые теоретики справедливой войны, которых, я уверен, много в Конгрессе, пришли к выводу, что это разумный шаг, потому что все другие средства разрешения этого конфликта были исчерпаны.

Но все же были некоторые, кто говорил: нет, мы могли бы предпринять другие шаги. Нам не нужно было прибегать к войне. В то время это был не совсем подходящий следующий шаг.

В-пятых, должен быть разумный шанс на успех. Вы не хотите идти на войну, если ваши шансы на победу невелики. Или не очень хороши.

Это принесет больше вреда, чем пользы. Но проблема в том, что зачастую очень трудно оценить. В некоторых случаях не совсем ясно, каковы ваши шансы, потому что вы не знаете, каковы военные возможности страны, с которой вы сражаетесь.

Я помню, что до того, как мы отправились туда в 1991 году, долго обсуждалось, что у Ирака пятая по мощи армия в мире. Мы здесь видим чрезвычайно затянувшееся начинание. Ну, это было не так.

И армия США разгромила армию Ирака всего за пару дней. А потом в 2003 году, благодаря этому опыту, подумалось, ну, вы знаете, это будет легко. Мы уже делали это раньше.

Мы сделаем это снова. И мы бы прошли по всему Ираку и создали республику, и никаких проблем. А там было наоборот.

Даже если ранние этапы войны были сравнительно легкими, долгосрочные усилия были чрезвычайно трудными и проблематичными. Таким образом, в войне задействовано так много факторов, что вы не можете предвидеть, что прогнозирование и проведение этого анализа затрат и выгод будет чрезвычайно сложным. Так что это *Jus ad bellum*, справедливость в начале войны.

Теперь давайте обратим внимание на условия *Jus in bello*. Каких критериев, с моральной точки зрения, мы должны придерживаться при реальном ведении войны? Одним из них является принцип пропорциональности, который гласит, что вид и степень применяемой силы должны быть пропорциональны

характеру угрозы. Многие утверждают, что ядерное оружие по этой причине всегда неуместно, потому что оно всегда избыточно.

Какой бы ни была угроза, с ней никогда не справляются надлежащим образом с помощью оружия массового поражения, например ядерного оружия. Но это трудно определить, и не только в отношении ядерного оружия. Может быть, это простой случай.

Но важен пропорциональный ответ с использованием обычного оружия. Это сложно. Затем следует принцип дискриминации, который гласит, что только военная техника и комбатанты могут быть намеренно выбраны в качестве целей.

Неправильно нападать на мирных жителей. Это часто подчеркивается в новостях, когда идет война, когда та или иная страна бомбит город, и школа с детьми попадает под обстрел, хотя это не обязательно прямо указано в новостях. Идея о том, что вы намеренно или просто по неосторожности убьете так много мирных жителей, обычно признается безнравственным актом войны.

Итак, только военная техника и комбатанты могут быть намеренно выбраны в качестве целей, хотя и подразумевается, что может быть сопутствующий ущерб, как это клинически сформулировано. Но этот принцип трудно применить, просто потому, что неясно, что в любом случае считается комбатантом. Это только солдаты, которые активно работают в военных действиях? Или это также включает людей, которые, скажем, работают на заводах, которые производят бомбы? Большинство скажет, ну да, военная техника, скажем, во Второй мировой войне, которую нацисты или японцы производили свои истребители и артиллерию, что это тоже были подходящие цели.

Ну, а как насчет тех, кто находится на шаг дальше от этого, кто вовлечен в бизнес, заключая сделки, скажем, с правительством в производстве стали и другого сырья, которое они отправляют на эти заводы? Те, кто находится на шаг дальше в своем участии в этих предприятиях, насколько далеко простираются эти щупальца, чтобы вовлеченные люди стали подходящими целями? Есть люди, работающие в бизнесе, которые могут даже не осознавать, что их бизнес имеет государственный контракт на производство военной техники. И тот факт, что сопутствующий ущерб, в убийстве мирных жителей, иногда неизбежен. Как бы хирургически точно вы ни наносили удар, во многих случаях, вероятно, что будут убиты невинные люди или мирные жители.

Третий контекст для рассмотрения справедливого поведения, связанного с войной, — *juice postbellum*, и он касается условий справедливого поведения после войны. Это не обсуждается так часто, как *juice ad bellum* и *juice in bello*, но здесь это важный аспект. После того, как война окончена и некоторые условия

капитуляции подписаны побежденной страной, какие обязанности, если таковые имеются, несет победитель в своем поведении по отношению к побежденной стране? Ученый по имени Брайан Оранд рекомендует ряд условий для справедливого мирного урегулирования после войны.

Он говорит, что условия мирного урегулирования должны быть публичными, взвешенными и разумными, и руководствоваться принципами дискриминации и пропорциональности. Одним из них является принцип уважения, который гласит, что права и традиции побежденных должны уважаться. Неуместно пытаться полностью изменить целую культуру только потому, что вы победили их в войне, и настаивать, чтобы, скажем, они учили и изучали ваш язык, например, или принимали ваши культурные традиции.

Права и традиции побежденных нужно уважать. Просто дискриминация. Это относится к идее, что лидеров, солдат и гражданских нужно различать.

Лидеры и солдаты в стране, которая вела войну несправедливо, могут быть подвергнуты уголовным и военным судам, в то время как гражданские лица невосприимчивы к этим обвинениям, и если кто-то в этом обществе не вносил активного вклада в несправедливость войны, их следует оставить в покое. Справедливая компенсация. Это относится к идее, что претензии на победу должны быть соразмерны характеру войны.

В случае Второй мировой войны одним из последствий в этом случае было то, что Германии пришлось выплачивать всевозможные компенсации, потому что характер войны в этом случае был настолько разрушительным для стольких людей по всей Европе, что им пришлось платить, платить долгое время, и к тому же не иметь собственной армии. Вы продемонстрировали Германии свою безответственность, мягко говоря, в плане наличия собственных военных сил, так что никаких военных для вас в течение долгого времени, и мы будем вас охранять. Вооруженные силы США долгое время были стражами Европы, что вызвало некоторое недовольство у нашего нынешнего президента.

Если посмотреть на наш военный бюджет, то американские военные должны тратить кучу денег на защиту некоторых европейских государств, но это последствия Второй мировой войны, особенно в отношении Германии и ее злоупотреблений в отношении своих военных. Интересный вопрос в связи с этим: как долго, сколько лет, сколько десятилетий, сколько поколений это должно продолжаться? Это всего лишь один пример вопросов, связанных с тем, что значит соблюдать этот критерий справедливой компенсации после войны. И, наконец, надлежащая безопасность.

Побежденным необходимо предоставить определенную защиту от будущих атак, особенно если им не разрешается развивать собственную армию, как это

было в случае с Германией или Японией, если это условие после войны, что побежденная страна не может иметь собственную армию, что делает их весьма уязвимыми для нападения другой страны. Поэтому победитель должен гарантировать, что побежденный будет должным образом защищен в этом случае, что и сделали США.

Итак, это оранжевые условия для *jus post bellum*, и на этом мы завершаем обсуждение этики войны.

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 16 о войне.